

Валерий Матвеев

Иллюзия

Валерий Германович Матвеев

Иллюзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22572269

ISBN 9785448361807

Аннотация

Современная проза: о не сбывшихся мечтах, поисках любви героев повествования, встречах, которые меняют их жизненные пути.

Содержание

***** 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Иллюзия
Валерий Германович
Матвеев

© Валерий Германович Матвеев, 2017

ISBN 978-5-4483-6180-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скоро полдень, есть время подумать, оценить, взвесить все за и против. Сорок минут до отправления электрички, много это или мало? Идти, блуждать по улицам, прощаться с городом, в котором так много пережил, не хочется. Думаю лучше погрузиться в мысли, отрешиться от всего и решить делать шаг в неизвестность, в будущее, которого у меня сейчас нет, или оставить все как было, а как оно было? Ладно, вот, кажется свободное место. Мысли, мысли, как с вами трудно, было бы проще без них, но так устроена моя голова. Всё стоп.... Есть время ещё, есть время. Надо всё обдумать, жить так, как жил нельзя: кто я? Мне 42, нет семьи, нет работы; да кое-что я написал в своей жизни, но это так мало и никому не нужно, что на этом даже не надо и останавливаться. И что это всё, что у меня на сегодняшний день есть, — ничтожный капитал который ни даст мне ничего.

А что впереди? Дорога, а за ней пока пустота, страшно идти в никуда, хотя и там своя жизнь, ну что пора двигаться. В принципе, я ничего не теряю, жаль, что с сыном пока не получится встречаться, но в любой жизненной ситуации, когда встаешь перед выбором, есть свои издержки. Будем надеяться это продлится недолго, и я смогу для него что-то сделать, да и оставить какую-то память о себе. Пора, пора идти, не хватало ещё какой-нибудь произойти случайно-

сти, которая смогла бы меня остановить или задержать. Чёрт ну и погода сегодня выдалась, сидел бы дома в тепле, сытый и ухоженный, так сказала бы моя мама, но не я. Давай же трогайся, оставляю всё позади, никаких мыслей о прошлом, никакой жалости к себе. Вот наконец-то поехали, вперёд.

Прощай город детства, что связано с тобой, прожили вместе 37 лет, это очень много, я буду помнить тебя и скучать. Сколько мы пережили, не на одну жизнь хватит: была любовь, были страдания, были муки и отчаянье, даже смерть не один раз стучалась в двери, но теперь это в прошлом. И всё равно мне больно расставаться с тобой. Ты, мой город, всегда будешь со мной: прощай. Три часа пути, это время, которое у меня есть до прибытия в конечный пункт, это время за которое я должен определиться, что делать со своей жизнью дальше. Во-первых, что мы имеем; больших денег нет, связей аналогично, знакомых беспокоить бессмысленно, у всех жизнь не из легких; из этого делаем вывод: надо оставаться одному и желательно не вступать не с кем в общение. Во-вторых, смысл моего существования, назовем это так, в новой враждебной среде, писать стихи, пытаться издаваться, смотреть в тупые лица и просить. Просить – нет, это не для меня, через это я уже прошёл. Устроиться куда-нибудь на работу и жить для того, чтобы жить. И это было, не пойдет, так что же? Давай дружок определяться.

Что я хочу? Жить, имея смысл и видя цель. В чём смысл моей жизни – это борьба и движение вперёд.

Чего я не хочу? Жить в таком обществе, обществе, которое уничтожает само себя, да и меня в придачу. Как я могу это изменить? Все проходящие через мой мозг мысли, подсказывают мне – никак, я один, один и останусь. У меня есть выбор, а это преимущество. Значит; борьба и я объявляю вам войну.

Я один человек, не имея ничего, объявляю войну системе, государству и всему тому, что с этим связано. Вот это здорово, ты, что сам это придумал? Не бред ли это воспаленного мозга – сумасшествие; нет и нет. Теперь это смысл моей жизни: борьба со злом, война со всем тем чего я не приемлю. Пусть первый погибший в этой войне буду я, но это принесёт мне только удовлетворение. Теперь я могу сказать. – Моя жизнь не бессмысленна, жил и погиб не зря.

Что? Уже приехал, как быстро прошло время, я даже не успел составить конкретный план действий, но теперь надо идти, сидеть и думать уже поздно, это вызовет подозрение. Огромный город мирового масштаба, столица страны, куда и с чем ты приехал. Сколько судеб, сколько жизней разбилась о твои белокаменные стены? Вот и еще одна жизнь, одна судьба у твоих ворот. Как ты встретишь меня, поймём ли друг друга, смогу ли выжить в тебе или ты проглотить меня как миллионы других? Вопросы, одни вопросы, а до ответов так далеко, надо двигаться, надо оставаться одному и быть самим собой, только так я смогу выжить и чего-то добиться. Уже поздно и холодно, пора определяться

с ночлегом.

– Гражданин, младший сержант милиции Сердюков, прошу ваши документы.

Сердюков – фамилия созвучна внешности, как бы чего не вышло.

– С какой целью прибыли в Москву?

– Милейший я проездом, еду на родину. Так получилось, что приехал поздно и смысла ехать на Павелецкий вокзал уже нет, так что пойду в гостиницу, надо отоспаться перед дорогой.

– А с Павелецкого вы куда следуете?

– Да в принципе мне скрывать нечего, до станции Раненбург, но вряд ли вы о такой слышали.

– Как же слышал, да я до армии в Кривопольяны прожил, ну ты земля даешь, ты где жил?

– За горсадом, возле маслозавода бабушкин дом стоял, вот еду посмотреть стоит ли еще, что ты хочешь – ностальгия.

– Слушай, земля, я сейчас до отдела дойду и обратно, дежурство сдаю, потом мы посидим у меня, выпьем, поболтаем за жизнь, знаешь тоже так опостылело в Москве. Хочется всё куда-то туда в детство; договорились земля, ты я вижу по прикиду парень ничего, не промах, вы центровые всегда такие были, не то, что мы из заречья.

– Хорошо, как скажешь, у меня время есть, но только давай сначала познакомимся, а то называть тебя по званию

и фамилии, как-то не с руки.

– О, прости зёма, Степаном матушка окрестила, так с тех пор и пошу это имя. Ну а о вас гражданин земляк, я кое-что уже знаю. Да ты не тупи, Валерий, мы же с тобой соседями были. Я сейчас, я мигом, дождись. Окей, да?

– Хорошо, хорошо, с места не тронусь.

Да, вот тебе и начало, повод для размышления, что теперь с ним делать? Интересно, сдают ли сейчас оружие после смены, как мы раньше, если нет, то это удача. Перепить, меня, судя по комплекции вряд ли сможет, тогда я на коне, жаль только парня, ну что ж делать, цель оправдывает средства. Я не заставлял его меня останавливать, не приглашал в гости. А вот и наш мент бежит. Значит, в бой, так сказать, в атаку.

– Ну, слава богу, что дождался, а то я уж переживал, что-то внутри у меня всколыхнулось, после встречи с тобой. Не знаю к добру это или к чему другому, но эта встреча мне не кажется такой случайной и банальной.

– Не переживай, Степа, плохого, думаю, ничего не будет, разве что голова с утра будет болеть. Ну, куда кинем кости, ты дома, я проездом?

– Я тут не далеко у бабки комнату снимаю, не ахти как, но жить можно, пойдем закупим чего-нибудь и откинемся по полной. Правда у меня денег у меня не так уж много, но на правах хозяина предлагаю скинуться, ну что, идёт.

– Идёт, пошли.

– Слушай земляля, давай подумаем, может тётки, возьмём,

у меня тут подружки имеются, правда, ещё та лимита, но тела при них.

– Степан, не поверишь, с этой поездкой так вымотался, ну их на... Просто посидим, выпьем, пойми, устал я очень.

– Ладно, и у самого особого желания нет, просто хотел разнообразия, а то понимаешь с этой службой никакой личной жизни, до тошноты уже всё, вот где.

– Не обижайся Степан, не до того, держи деньги, купи что-нибудь на свой вкус, водку только возьми нормальную, не палёную, из расчета бутылка на нос и пива, чтобы потом никуда не потянуло

– Понял, я быстро. Знаешь, вкусы у нас совпадают.

– Ну, как же не совпасть Степан, из одной кучи вылезли.

– Да, что это я, о чём думаю сейчас, мухой слетаю.

Так, пушка при нём видно времена изменились, ну это мне только на руку. Вспомни, как сам ходил со стволом при погонах, наличие оружия и власти пусть даже мизерной, отличает тебя от общей массы, хотя...

– Друг, ты не мог бы выручить, мне совсем немного надо, пойло есть, а на зуб кинуть нечего.

Из темноты двинулось на меня что-то огромное в замасленном камуфляже. Вглядевшись в эту глыбу, я понял: парень видимо побывал в аду и не раз.

– Не вопрос... Но ты кто? Как будто из пекла вылез?

– Так и есть, только не из пекла, а из дерьма, куда меня затолкали Чехи. Мой позывной Бурда. Ну что, дашь или нет?

Не томи.

– Пойдем лучше с нами, хотя меня самого пригласили, но это мы устроим, сейчас Степан, так приятеля моего зовут, подойдет, мы к нему на хату, выпьем, разговоры будем умные говорить за жизнь. Идет?

– Нормально, только разговоров не надо, лучше пить.

– Вот и земляк идет, отойди на минутку в сторону, я всё устрою, только знаешь он мент.

– Да хрен с ним.

– Долго я, нет? Слушай: когда деньги есть, начинаешь уже задумываться и выбирать.

– Почалим?

– Степан, друг, такое дело, человеку одному надо помочь, недавно от чехов из дерьма вылез. Что скажешь?

– А где человек то? Не вижу.

– Бурда! Появись.

– О господи, что это?

– Мужики, неудобно честно, если нельзя с вами, то подкиньте денегат, жрать охота.

– Хорошо, пойдем с нами, что в такую погоду тебе ещё искать, да я думаю, и веселее будет. Тронулись.

Шли мы недолго, но не понятно куда, какими-то волчьими тропами, известными одному Степе, в жуткой темноте, через лужи и рельсы. Пройдя через эту наводящую тоску дорогу, мы оказались перед довольно приличным домиком,

не знаю какого века, но выглядел он добротнo, как из учебника по истории, еще прошлого века.

– Мужики сразу предупреждаю, бабка со странностями, но интересная, обижать её не надо. Умная не могу а, сколько знает и помнит, всё, просто всё. Анетта Алексеевна, раньше была видно важная особа, но древняя как мир.

– Бабушка Аннет! Это я Степан, но я не один, с друзьями, мы немного посидим, поговорим, вам мешать не будем.

– Да заходите скорее! Что на улице происходит? Ангелы небесные.... Холод не запускайте.

При довольно неплохом освещении я понял, что попал в аж 18 век. О возрасте Аннеты Алексеевны судить не берусь, но такое чувство, годы проходят мимо неё; благородная стать, ясный взгляд, лицо – просто икона, седина совсем не старит, а придает её образу аристократический вид, да и видно ухаживает она за собой и ещё как. Вот это гены, вот это порода, было бы ей лет на пятьдесят меньше, я влюбился бы с первого взгляда, красота действительно вековая.

Первое ощущение, придя в этот дом и познакомившись с бабушкой Аннет, что это монолит: один без другого существовать, не могут. И то, что, происходило с одним, неразрывно связано с другим.

Как выяснится в недалеком будущем, моя интуиция меня не подвела. Но события, которые стали разворачиваться после того, как я попал в этот дом, нельзя объяснить никакой интуицией, даже воображение не всегда способно такое как-

то увидеть, пусть даже больное.

– Мужики располагайтесь, я бабке отнесу продукты, пусть что-нибудь сварганит, а мы пока по первой. Валер, наливай.

– Есть товарищ милиции сержант, разрешите выполнять.

– Выполняйте.

– Ну, за знакомство, кажется, что это всё непросто так, поймите ребята, я просто так чувствую.

– Сейчас не о чувствах, будем здоровы. Гоп!

– Мужики можно я буду слушать и пить?

– Валяй Бурда, после первой и второй, пуля не должна успеть пролететь, командуй. Э как же тебя лучше называть, а то Валерий выговаривается плохо, скажи, как?

– Хочешь, называй меня Сова.

– Не сплю по ночам после контузии, вот по тому и Сова.

– А где тебя так? – Да нет меня сейчас там и всё, об этом говорить не буду.

– Ну тогда по третьей, молча.

Неожиданной приоткрылась дверь, проталкивая в проём тележку с невероятно красивой, наверное, из какой-то древней фамилии, посудой грациозно, не смотря на возраст, продефилировала бабушка Аннет, если честно сказать, называть её бабушкой, как-то не по себе, до того это было неуместно, видя перед собой эту почти вековую женщину. Язык не поворачивался называть её так, какое-то свечение сглаживало то, что могло бы казаться естественным. т

– Деточки мои, вот я вам собрала закусочки, думаю, вам

понравится, уж не обижайтесь, что на скорую руку.

Голос звучал её нежно, словно ручей в знойную погоду, когда опускаешься на траву, припадаешь к нему губами, пьешь прохладу и слушаешь, как по камушкам перекачиваются быстрые струи воды, до того это был дивный, просто завораживающий голос.

– Вы голубчики пейте, закусывайте, только попрошу об одном, уважите бабушку старую, я очень одинока. Разрешите мне посидеть в кресле, в уголке? Мешать, перебивать не буду, просто очень сладки мне речи людские, так мило мне их слушать, если б вы только знали...

С этими словами Аннет удалилась к креслу и словно растворилась в нём, в эту ночь мы больше её не видели, не было кроме нас троих никого в комнате и всё.

– Друзья у меня есть предложение, скорее всего просьба, – с таинственным видом, словно кот, замурлыкал Степан.

– Давайте выпьем за нашу хозяйку Аннет, а затем каждый из нас, поочередно вытащит спичку и расскажет о себе.

– Договорились, не раздумывая, ответил я.

– Ну, не знаю, сначала надо пить, а потом, остальные действия.

Процедура жребия длилась недолго и возражений не вызвала, первым на себе вынести это предстояло Бурде. Мне выпало закрыть собрание. Соответственно вторым был Стёпа.

– Сова налей стакан, иначе говорить не буду, ни слова

не вытянешь, поверь уж опыт есть. Простонал Бурда и, оглушив его одним махом, как бы скинув с себя непосильную ношу. Изменившимся, до неузнаваемости голосом, это привело нас даже в какой-то трепет, очень тихо, как поэт с кажущейся задумчивостью, поведал нам о своих мытарствах.

В 1991 г., он, молодой офицер Советской армии, во время августовских событий стоял грудью за новую Россию. Но что-то с Россией стало происходить не-то: кризисы, инфляция, неразбериха власти. Армия стала не нужна, и уволили молодого лейтенанта из славных рядов, в новую, непонятную для него жизнь. Он здоровенный детина неприспособленный, непонимающий что происходит, остался вместе с семьей на ее обочине. Маленький ребенок, жена, мать и никакого выхода из этой ситуации, перспективы нет. Куда идти? Что делать?

– Фамилия? Имя? Год рождения? Национальность?

– Бурда Иван Федорович, 1970, Украинец.

– Род деятельности?

– Служил в рядах Советской, Российской армии. Офицер запаса, проходил службу в псковской десантной дивизии, на должности Командира взвода разведки, уволен в запас, в 1993 году.

– Молодец Бурда, такое пушечное мясо нам нужно. Это ж надо, каким тебя природа сделала. К новому году пойдём Чечню крошить. Слышал, что Грач накаркал? Ты десантник, для тебя работа будет, долго мы там не застрянем. Два-три

дня после выброски и домой, но деньги получишь нормальные. На первое время пока не определишься, хватит. Ну что? Решили вопрос?

– А была, не была, лучше в огонь, чем в дерьме.

– Через неделю начало операции, завтра прибыть в 10.00 на сборный пункт, в распоряжение части.

– Есть прибыть на сборный пункт в 10 часов.

– Всё, свободен.

Это ж надо, какая махина, такой не только в бою, в постели всех помнёт. А что я, мелкая штабная крыса? Но за то живая.

– Приготовится к десантированию, первый пошёл, второй пошёл, третий...

Удар, темнота, сырость, холод. – Где я? Как сюда попал? Почему так всё болит?

– Эй, кто-нибудь, помогите!!!

– Тс-с-с, тихо, ты что, с ума сошел, замолчи.

– Ты кто? Где мы? Что происходит?

– Я Вовчик, мы у духов в плену.

– У духов? Афганистан что, не кончился?

– Да сильно видно жажнуло. Мы в Чечне, в плену, тебя сегодня ночью привезли, я с утра в этой яме торчу. Понял? Нет?

– А кто это, там, у дыры лежит?

– Уже никто, два часа посипел, после того, как принесли и все, уже запах пошел. Ты что не чуешь?

– Да, я вообще, как в тумане, ну как его, ну – ёжик, ничего не соображаю.

– Ничего скоро все поймешь и увидишь. Как ты сказал, тебя зовут?

– Я и не говорил.

– Ну, так как?

– Бурда. Я десантник, помню, загрузились в брюхо, потом команда, прыжок, и пустота.

– Ты ещё легко отделался, будешь жив. Нас бросили в самое пекло, сказали 2 часа и Грозный должен быть наш, сколько братков положили, одному богу известно, меня вон зацепило, но легко, я успел скатиться в подвал, а потом начался ад. Наши сушки налетели и как начали ровнять всё с грязью, где наши, где чехи, одни трупы, одно мясо. Вот сушки! Мамка с папкой новый год готовятся встретить, а я здесь должен гнить. Блядство это!

– Мамка с папкой. Тебе сколько лет-то? – Всматриваясь в силуэт, прошептал Бурда.

– В июне будет девятнадцать, и не пожил совсем, что я видел: школа, двор, ну на секцию по самбо ходил и все, все! Даже девки, не было, не поверишь, с одной в подъезде тискался, но дальше дело не пошло, а ты говоришь подыхать в этой яме не охота. Вон никто лежит, ничего ему не надо, ни о чем не думает. Как ему хорошо.

– Да ладно, ты это брось, прорвемся – будет день и будет пища.

– Какая пища, скоро уже за нами придут, мертвяков пойдем собирать, ты вон какой здоровый тебе ничего, а у меня, уже сил нет, хочу как никто, ничего не видеть, ни о чём не думать, посмотрелся я за эту неделю, что трандец!

Слезы полились по щекам Вовчика и он как маленький ребенок свернулся в клубок и стал всхлипывать и постанывать словно от обиды на старшего брата.

Действительно через час, а может и меньше, над дырой в яме стал появляться свет, это наступает новое утро в жизни, которую, я ещё не видел, не был готов к этому. Скинули веревочную лестницу: «Выползайте черви» – послышалась чья-то пьяная команда. Выбрались наверх, очутились в каких-то развалинах, оглядевшись вокруг, я ужаснулся это что, было когда-то городом, улицей, по которой бегали дети, прогуливались пары, место, где собирались старики? Нет, это какой-то дурной сон – проснись Бурда, ну давай же проснись.

– Что нравится? Смотри, во что вы козлы, превратили наш город.

Получив прикладом в подбородок, я понял, что здесь задержусь не долго и если останусь, жив, не забуду, то, что видел никогда!

10 долгих лет провел в этом аду, чего за это время я только не видел, в основном смерть, жуткая, страшная смерть. Вовчик этим же утром с обломком трубы, набросился на че-ха, изловчился и вогнал ее в глаз по самое не могу, ему как барану перерезали горло, жаль парня, жаль, сколько таких

еще было за 10 лет, не счесть.

– Сова, налей стакан.

На Бурду было больно смотреть, во время рассказа из молодого здорового мужика он в миг превратился в дряхлого, избитого жизнью старика. Кровь вместо слёз, кровь юных ребят, оставшихся лежать под руинами некогда цветущего города, сочилась у него из глаз, это была какая-то живая боль, рвущая тело на клочья.

– Все эти годы, что я провел в плену, меня спасала только одна мысль, выжить и предъявить счёт, за весь этот кошмар должен кто-то ответить, за мясорубку в родной стране, я знаю, верю, должен. Была у меня там и любовь не знаю, сколько лет уж прошло, но что-то видимо в ходе войны изменилось, чехи совсем озверели, среди них я стал видеть много арабов, негров, латышей. Как-то к нам в подвал опустили молодую девчонку, захваченную после разгрома колонны следующей на юг Чечни, от неё мы узнали, что идет уж 2-я чеченская компания, Дудаева замочили, и обстановка принимает благоприятный, насколько это возможно для России оборот. Она всё время плакала по маленькому сынишке оставленному с бабкой.

– Я спросил, зачем, ты, Ксюха сюда полезла, зачем тебе это надо.

– А что я заработаю в больнице? Нас там тоже ломают, как могут, нищета достала, сына кормить надо.

– И это горькая, правда, что за то время, которое я провел

здесь, в России лучше не стало.

Всю ночь мы проговорили, прониклись душами друг другу, а утром ее забрали. Больше её не видел. Местные пацаны рассказали, что девчонку пустили по кругу на всю банду одну, потом кинули обессиленную псам, понимаешь собакам, те несчастную разорвали на клочья.

– Сова налей еще. Страшно за Ксюху. Такую смерть принять. Эх, Ксюха, Ксюха, из Тулы. Куда, зачем тебя понесло?

– Я потом, когда убежал, пытался найти ее сына, рассказать про мать, но так и не смог. Что о ней знал? Только имя: Ксюха. Примерно через год нас повезли куда-то, ночью в дороге попали в засаду, мне было больно и страшно погибнуть от своих, не знаю что произошло, вокруг взрывы, стрельба, пришёл в себя в горах, среди леса. Живой, живой, свобода, я живой! Три месяца я как дикий зверь блуждал по горам, лесам, несколько раз из далека видел наших, но почему-то боялся выходить. В конце концов, оказался в Дагестане, понял это, по какой-то другой, мирной жизни. Добрался до военкомата, рассказал о себе, меня помыли, дали поесть, сказали, жди. И засунули в подвал. Что это? Опять плен? Нет, утром меня забрали и повезли... Снова та же штабная крыса, только ещё больше желчи на лице.

– О, Бурда, громила! А мы давно тебя похоронили и родителям и жене отправили извещение. Ты где был столько лет? Как живой остался? Садись, рассказывай.

– Ничего я рассказывать не буду, сделайте мне документы

и я пойду.

– Ну не так скоро, не так скоро. Не хочешь говорить, не надо, но на меня обижаться тоже не стоит, я же тебя туда не посылал.

– Не посылал! На! Получи сука, получи! Ещё два года просидел в колонии, от туда пытался связаться с женой и сыном, но они меня давно похоронили, у них уже совсем другая жизнь. После колонии я пытался встретиться с ними, но жена, хотя какая жена, сказала не надо разрушать их жизнь. Я для них теперь никто, как тот парень, что валялся у дыры без имени. Никто, это то, что я нажил. Так я оказался в Москве, месяц хожу, ищу работу, и таскаю ящики на рынке, пошло всегда есть, но на еду иногда не хватает, судьба сегодня привела меня сюда. Что весело?

– Наливай Сова!

Мы молча выпели и долго, словно онемевшие, смотрели то на Бурду, то на бутылку, смотрели, как он пьёт, заливая своё горе этой отравой. И ничего не могли изменить, понимая через что, прошёл этот человек, и с чем он в итоге остался. А сколько таких мытарей с изломанными судьбами, телами, ходят сейчас по нашей земле, не зная, куда приткнутся, одному богу известно. Эх, Россия, жестокая страна, что же ты творишь со своим народом? За что ты его так? Опять одни вопросы, и до ответов ещё долго.

– Сова ты не спи, наливай, а то Бурда в одно горло на грудь примет, не спи.

– Я и не сплю, так задумался. Что ж давайте за Бурду! Тяжело тебе пришлось, прости нас, что не были рядом, не могли ничем помочь, только сейчас пересеклись наши дороги, за тебя Бурда, за твою достойную жизнь. И не жалею что немного придавил крысу, не было бы тебя сейчас здесь понимаешь. Давай, за тебя!

– Степан, Бурда, что-то быстро мы разогнались, водка кончается, надо что-нибудь придумать.

– Так давайте сходим, здесь не далеко.

Было уже за полночь, пройдя тем же маршрутом, мы оказались у магазина. В лица хлестал промозглый, холодный дождь, как бы желая, потушить языки пламени, разгоравшиеся у нас в душах, после рассказа Бурды.

– Втроём в магазин идти нечего, сходи один, мы подождем тебя здесь. Хорошо?

– Ладно, я мигом.

Не успел Степан дойти до магазина, к нам из-за угла подошла стайка наглых обкуренных либо обдолбанных малолеток, с претензией, дать им денег на пиво и сигареты. Что происходит со страной, в которой дети ночами опускаются до такого состояния? Что все ослепли? Всем на всё наплевать? Получив от нас отказ и пожелание быстрее добраться до дома, юнцы почувствовали себя оскорбленными, принялись насканькать на нас. Увидев как Бурда словно медведь ручищами раскидывает сопляков, я метнулся к нему за спину, прикрывать там, и вовремя. Заметив при свете фонаря отблеск лез-

вия ножа, перекрыл дорогу нахалёнку, одетому в кожу, видимо это был их вожак, прижав его к земле, отобрав нож, огляделся вокруг, потасовка закончилась, со стороны магазина на всех порах нёсся Степан, размахивая пистолетом.

– Вас нельзя на минуту оставить одних, обязательно куда-нибудь вляпаетесь, ну что за народ. Давай Сова поднимайся, не слышишь что ли, под тобой что-то стонет, тащи его сюда.

Я потащил к фонарю отморозка, заметив, как при нашем приближении у Степана глаза стали выходить из орбит.

– Что здесь произошло, – заорал он, вы никого не замяли?

Я пояснил ему ситуацию, не забыв показать место, куда кинул нож. Порывшись в кустах, Степан подошел, держа в целлофановом пакете обоюдоострый нож, положил его в сумку.

Отпусти его, пусть бежит. Отбежав на несколько метров, мальчонка с криком – «Вы все теперь трупы», что-то бросил в нас, в этот момент как из пушки раздался вопль – «ложись», и что-то огромное вжало нас в землю, через секунду раздался взрыв.

– Все целы? – поднимаясь из грязи, пробурчал Бурда, кажется, все и он закатился диким хохотам.

– Посмотрите, на кого вы похожи братья!

Окинув друг друга взглядом, дикий хохот увеличился в три раза, зрелище, которое мы из себя представляли, было ужасное. Грязь, кровь, вода, всё это превратило нас из лю-

дей, в какое-то сплошное месиво.

– Ну и как мы теперь, куда пойдём? – поинтересовался я.

– Пошли за мной, автомойка рядом, с места рванул Бурда, я всегда там моюсь.

Приведя себя кое-как в порядок, направились к бабушке Аннет, допивать водку, продолжать совместную исповедь.

– Бабушка уже наверняка отдыхает, – предположил я, вопросительно глядя на Степана.

– А вот и не угадал, когда бы ни приходил со службы, всегда дожидается, – весело подмигнул Степан.

И правда не успели мы подойти к двери, как она распахнулась, и перед нами появилась во всей своей обворожительной красе Аннет.

– Где вас так долго носило, на кого вы похожи, а ну марш переодеваться, я поднесу сменное, сорванята, без злости пропела чарующим голосом Аннет.

Практически всё из того, что принесла Аннет, мне и Степану пришлось в пору, но то каким перед нами появился Бурда, вызывало, чуть ли не разрушение дома от хохота, произведённого нами без слез, на него смотреть просто было нельзя. Представьте себе нечто огромное, завернутое в расползшиеся по швам лохмотья, в таком безобидном одеянии, с виноватым видом появилась эта громада.

– Вы уж простите меня бабушка, ну как мог на себя это натянуть, извиняйте.

– Ничего милоч, главное срам прикрыт, – захлебываясь

от хихиканья выдавила из себя хозяйка, – проходи, не стесняйся и не такое видывали.

– Ну что ребят дубль два, те же присутствующие, плюс новая обойма, Степан, второй заход, командуешь ты, у меня прицел сбился после приключений, да и подошла твоя очередь исповедаться, давай Бурда, седай хлопец, выпьем за боевое крещение, и чтоб таких поменьше было. Понеслась!

Выпив, Степан взмахнул рукой, пристально заглянул в глаза мне и Бурде, как бы спрашивая разрешения, и выпалил.

– Да гори оно, всё, синим огнём...

– После армии я вернулся в Раненбург, хотел, было обосноваться на родине, но что-то изменилось там, за время моего отсутствия или может я сам изменился. Стало тесно мне там, задыхался, да никого и не осталось. Бабушка, с которой жил, год, как умерла, сходил на могилку, попрощался, взял билет до Москвы и уехал, ничего меня там не держало. В поезде познакомился с солидным человеком, разговорились, поделились впечатлениями о происходящем. Слава богу, язык у меня подвешен, рассказал ему про армию, о том, как нелепо стала складываться жизнь на родине. Не знаю там, приглянулся, то ли что, он пригласил меня к себе на службу, кстати, он руководит РОВД этого района, практически его хозяин. Сначала шло как по маслу, мало того, что устроился, ещё заочно поступил в университет МВД, два года служил, учился, в общем, хорошо поднял-

ся. Анатолий Алексеевич, мой шеф постоянно приближал к себе, у нас складывались очень хорошие отношения, даже несколько раз приглашал в гости на праздник, говорил мне, что одному болтаться, отпразднуешь в семье, будет весело. Жизнь складывалась, как нельзя лучше, даже с дочкой шефа, отношения из приятельских стали переходить в более тесные, в свободное от службы время встречались. Возникли общие интересы, ну прямо был в шоколаде, появились перспективы, я стал верить в себя и стремиться к лучшему.

В июне прошлого года, шеф позвонил и попросил, чтобы я немедленно прибыл к нему и выполнил очень ответственное поручение. Без задней мысли, полный энтузиазма я взял на себя это обязательство, о чем до сегодняшнего дня жалею, ведь мог сослаться на простуду, за день до этого я перекупался и неважно себя чувствовал, да ладно, что теперь, что сделано, то сделано. Суть поручения состояла в следующем, в назначенное время подойти к машине у «Метрополя», сесть в неё и, дождавшись возвращения пассажира передать ему кейс, взамен забрать папку с документами, очень просто казалось бы. По натуре я очень исполнительный человек и привык держать ситуацию под контролем, с точностью до секунды прибыл на место, сел в машину, стал дожидаться пассажира. Прошло около часа прежде чем тот появился. Ни говоря, ни слова, он передал мне папку с документами, забрал у меня дипломат, что-то буркнул и пошел обратно.

Я позвонил шефу и доложил, что поручение выполнено, вышел из машины, сделал три шага, вижу вспышка, взрыв. Меня взрывной откидывает под рядом стоящую машину, в голове страх и мысли. Что за кейс я принёс? И не в нём ли причина взрыва, а если бы он открыл его при мне, всё, пишите письма.

Я бросился бежать, чуть не потеряв при этом документы, хорошо вовремя вспомнил про них. Решил никуда с ними не ехать, а где-нибудь спрятаться, бродил, бродил, пока не нашёл вот это место, думаю, отлежусь, остыну. Пусть меня ищут в общежитии, где я на то время жил, отключил телефон, что бы, не определили где я, залёг. Думаю, дай, посмотрю, что за документы, из-за которых такое со мною произошло. Я к тому времени уже понял, куда я попал, открыл, посмотрел, пролистал, схемы, фамилии, графики, ничего подозрительного и ко всему прочему флэшка, карта памяти, чтобы было понятно. Стал рассматривать эту мухотень, и словно гром среди ясного неба, это движение денег на самый верх. Вгляделся в график, о боже, нас же этому в университете учат спецкурс, в прошлом году закончили. Наркота, поставка наркоты, а так же графики и фамилии дилеров (мелкий опт), для сдачи на глаза общественности. Такая вот ботва, прикинь, нам впаривают, что борются с наркотрафиком, наркоманией, а дело поставлено на государственную основу, деньги, снизу по ступеням распределяются на самый верх.

На следующий вечер сходил в компьютерный клуб, по-

смотрел диск, а там одни директивы, но какие, СС (совершенно секретно). О них потом, вернулся из клуба, включил ящик, идут новости, смотрю, глазам не верю. Крутят из камер внешнего наблюдения отеля «Метрополь»: машина, человек садится, человек выходит, 10 сек., 20 сек., 40 сек., взрыв, по второй камере то же самое. Я сидел в машину, и выходил из левой задней двери и не мог попасть в угол зрения камер. Но почему не показали третью? Я эту камеру видел. Почему? Я там точно есть, это странно. Давайте вернемся к директивам, странно для таких документов с грифом СС, пароль довольно жидкий, я пробил его за полчаса, может просто скопировали и не стали замораживать паролем. А директивы очень странные, очень. Кодовые названия, зачистка: наркотики, алкоголь, я имею в виду тот, от которого умирают, сигареты со спецдобавками, это производится и распространяется по России, по госзаказу, для зачистки генофонда. Понимаете, о чём я? Недостойные вымрут, достойные останутся и т. д.

– И вот целый год я скрываюсь здесь, выхожу только вечером и ночью, форму одеваю, когда надо добыть денег на еду, но я знаю, что меня ищут, телефон давно выбросил, так и отсиживаюсь. Как жить дальше? Что предпринять? Не знаю. Так что Бурда, я тоже никто. Да и самое главное паренек шутник, который нас едва не подорвал. Я его узнал, надеюсь, он меня нет. Раньше я носил усы и баки, так вот, это отпрыск моего бывшего шефа, но он видел меня один раз, да и то на-

бегу.

– И тебя Сова не обижайся, я проверил, когда якобы уходил в отдел, сдавать дежурство. Стоял не далеко и смотрел, как ты себя поведешь, если бы дернулся или начал звонить, я бы тебя грохнул, уж извини, не каждый день земляка встречаешь из глубинки, да и место рождения твоё по паспорту другое, думаешь, я это не пробил, не зря меня этому учили.

– На этом господа исповедь закончена. Если вы позволите, я наполню бокалы, предлагаю выпить за Сову, которому сейчас не легко придётся, могут возникнуть вопросы с моей стороны, за тебя Сова.

– Держись мужик, тебе труднее всего придётся, нас двое, ты один. Мы считай, причастились, ты нет, за твоё здоровье.

– Поехали, – так отреагировал на предстоящую мне исповедь Бурда.

– После ваших историй, моя, покажется вам блеклой, может быть даже никчёмной. Однако только хочу сказать сразу, я чувствую себя среди людей прошедших рядом со мною по жизни, среди всего этого круговорота событий, прожив уже почти 43 года, что я в этом мире никто. Вот почему я здесь, а цель, с которой я приехал в столицу, она станет ясной вам после моего короткого рассказа, так как моя жизнь состоит в основном из мелочей, которые лучше опустить, чем в них вдаваться. Детство было обычное, как у большинства в советском союзе. Пионерским: школа, спорт, вскользь музыка, только я в этом хотел найти отдушину, много читал

и искал любви, иногда выдумывал её себе и страдал. Отслужил армию, мне, так же как и тебе, Степан, в своем городе стало тесно. Я уехал, но уехал туда, где труднее, в Сибирь, служил в МВД, искал и искал, что моей душе нужно, с любовью напруг, какие-то встречи, но всё ненастоящее, тогда я взял ручку и бумагу и стал придумывать себе жизнь, пришли в одночасье и любовь, и разочарование. Но это было уже всё на бумаге выдуманная жизнь, может быть, такой я хотел её видеть, хотел, но не жил, пытался искать смысл своего существования, но не мог найти, наверное, был молод, это мне вскоре наскучило. Я решил вернуться обратно, опять попытка начать с нуля, стало получаться как-то само собой, обустроилась жизнь, но настоящей любви не было.

Стала меняться страна, очень изменились и люди, пытаюсь не отстать в этой бешеной гонке, я забыл про всё, что бы удержаться на плаву, я жил и поступал, как все, стал ожесточаться, хотел иметь больше. Кое-что получалось, но не было главного, не было жизни, одно только жалкое бессмысленное существование, была женщина и вот вдруг, её нет, была семья и та же история, есть сын, но он не со мною, короткие встречи радости не приносят. Живешь с женщиной, но чувствуешь непонимание, и это поглощает, единственное, что меня держит, не дает совсем опустить руки, это то, что я пишу. Но, похоже, это нужно только мне, а это даже не океан, а вселенная непонимания и я так устал от этого, решил все бросить. Мне терять было нечего. Хочу найти хотя бы

в этой жизни один единственный шанс, чтобы как-то подняться в своих глазах, начать уважать себя, просто за то, как живу и что в этой жизни делаю. Вчера придя на вокзал за 40 минут до отправления поезда, тем самым дав себе возможность одуматься и остаться в привычной жизни и тлеть, тлеть медленно, годами, не оставив себе надежды на будущее, эту возможность я проигнорировал и сделал шаг вперед. Никто в никуда, это про меня. Сидя в поезде судорожно перебирая варианты возможных моих действий, я уже не думал о прошлом и не жалел себя, двигаясь на встречу неизвестности, или как хотите это назовите, я не топтался на месте, шел вперед. А это уже счастье, нет ничего хуже топтания на месте, либо движения назад, это полнейшая деградация личности, по крайней мере, для меня. Может другим, такое нравится, я никого за это не осуждаю, но для себя сделал выбор – шаг вперед, а дальше посмотрим. Прошу простить за то что, рассказ мой неинтересен событиями, но обвинить себя во лжи не могу, в конце моего рассказа оторву еще не надолго ваше внимание, всего два слова, – Степан наливай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.